

Глава 1

УРОД

Мне было почти четыре года, когда я в первый раз услышал слово «урод». Меня отправляли к бабушке, и мама надела на меня какое-то очень толстое пальто, потому что было уже холодно. Везти меня должен был Иван, у которого была лошадь и телега. Я хорошо знал Ивана, он через день объезжал дома на нашей улице, чтобы забрать молоко для колхоза. Так же, как и мой лучший друг Виктор, я Ивана боялся, мы звали его Иван Грозный. У него был странный взгляд, потому что его левый глаз был всегда красный, а правый выглядел, как запотевшее изнутри окно: просто серая масса, сквозь которую ничего не видно. А ещё хуже был запах, то ли от его тела, то ли от всегда сползающих вниз штанов, и от этого запаха у меня по спине пробегали мурашки. Это была смесь мочи, пота, жира и чего-то кислого, и в этот запах он был укутан, как в одеяло. На его широкую бороду с оставшимися крошками еды и чего-то ещё, что казалось вело какую-то свою, отдельную жизнь, я вообще смотреть не мог. От его волосатой спины, которая всегда была видна над сползающим ремнём, меня бросало в дрожь. А уж что откроется моему взгляду, если этот ремень окончательно сползёт, я и вовсе не хотел знать.

Мама поцеловала меня в лоб и посадила на телегу. Когда мы отъехали, я обернулся, чтобы помахать ей рукой, но её спина уже скрылась за закрытой дверью.

Вонь клубилась вокруг Ивана, и я отодвинулся от него как можно дальше. Но он, ни слова не говоря, придвинул меня опять к себе своей большой рукой. Лошади было явно тяжело везти позвякивающие, как серебро, молочные бидоны. Она вздыхала и постанывала. Она была старая, наверное, такая же старая, как сам Иван, потому что её длинная грива была такого же цвета, как его волосы.

Сразу же за деревней мы остановились. «Сиди», - проворчал Иван. Я замер. Иван спрыгнул с телеги и пошел в дом, который стоял невдалеке. Я вздохнул с облегчением и огляделся вокруг. Так далеко от дома я ещё никогда не был. Одному мне было нельзя заходить за первый перекресток на нашей улице, а с мамой я не ходил никуда дальше деревенского магазина.

Слева был лес. Лес мне всегда нравился, с одной стороны пугал своей темнотой, но с другой так хотелось знать, что же там находится. На краю леса лежали брёвна, аккуратно сложенные и одинаковой длины. Так вот откуда были дрова, которые мама каждый день пилила и обтёсывала топором. А я то раньше думал, откуда они берутся?

Иван вернулся, с трудом таща молочный бидон. Ругаясь, взвалил его на телегу и сел рядом со мной. Сквозь обычную вонь я почувствовал другой запах, такой же, как изо рта моей мамы по вечерам. Я не знал, что это было, но причина была в бутылке, в которой была как будто бы вода. Один раз, когда мама вышла в туалет, а стакан так соблазнительно стоял на столе, я хотел это тайком попробовать. Но сначала засомневался: а стоит ли? Если я это выпью, то от меня тоже будет вонять, а что в этом приятного? Но с другой стороны, это, наверное, вкусно, раз мама это каждый день пьёт. Однако, как только я решился, шагнул к столу и взял стакан, мама вернулась и крепко схватила меня за ухо. Было так больно, что стакан вылетел из моих рук и разбился на мелкие кусочки. «Если ты когда-нибудь ещё раз до этого дотронешься, я выгоню тебя из дома», - закричала она. С этого момента я излечился от любопытства.

В следующей деревне Иван заходил ещё в четыре дома. Телега была уже на три четверти заполнена бидонами, и мы ехали всё медленнее. Ещё пара бидонов, и пешком идти будет быстрее, даже с моей короткой правой ногой и уродливой ступнёй. Я посмотрел вниз на дурацкий ботинок с высокой подошвой - он выглядел отвратительно.

Мы были уже пару часов в пути, и мне захотелось есть. Но из страха, что Иван разозлится, я этого не говорил. Запах из его рта становился всё сильнее, а возвращаясь из последнего дома он шёл качаясь. Я знал по своей маме, какой она может быть ни с того, ни с сего злой, когда она так качалась. Но я действительно проголодался, и мой живот сводило от голода. То ли Иван умел читать мысли, то ли услышал, как бурчит у меня в животе, но он повернулся и достал из мешка кусок хлеба. «Ешь!» Это звучало, как приказ, и дрожащими руками я взял кусок. Хлеб был чёрствым, я не мог откусить его своими слабыми зубами, и я засунул кусок в рот и стал сосать. Когда он смешается со слюной, то станет мягче. Так и было. Как вкусно!

Мы ехали по узкой дороге между осенними берёзами. Вокруг была тишина, если не считать монотонного поскрипывания телеги. Ветра совсем не было, и ветви деревьев свисали, словно покрытые золотой чешуёй руки. Это было красиво и немного жутко.

Я устал, глаза закрывались, а голова прислонялась к грубому пальто Ивана. От ям и кочек на дороге я вздрагивал, просыпался и пугливо оглядывался вокруг.

Неожиданно телега остановилась, Иван взял меня под мышки и одним махом посадил на жёсткий мешок между бидонами.

«Ложись и спи», буркнул он. Я сжался в комок: что я такого сделал? От чего он такой злой? Сквозь ресницы я подсматривал за ним, но он не обращал на меня внимания, значит ничего страшного. Телега ехала покачиваясь, и я попробовал устроиться поудобнее. Мешок был жёсткий, бугристый, наверное, с картошкой. Покачиваясь, я уснул.

Первое, что я увидел проснувшись, это пустые глаза, которые уставились на меня с расстояния в пару метров. Сердце забилося, и я опять крепко закрыл глаза. Потом осторожно приоткрыл их и увидел, что это огородное пугало. Я с облегчением перевёл дыхание и сел прямо, чтобы лучше его рассмотреть. Оно стояло перед полуразрушенным домом и было очень красивым: завёрнуто в лохмотья и с головой из оранжевой тыквы.

Я услышал скрип и обернулся. Иван слезал с телеги.

«Сиди там!» - крикнул он, когда увидел, что я на него смотрю. «Не слезай с телеги!» Испугавшись, я опять сжался в комок. Иван повернулся спиной и пошёл по дороге к дому.

Вдруг мне очень захотелось писать. Только этого не хватало! Чтобы сдержаться, я зажал ладони между ног, но это не очень помогало. Нужно было слезать с телеги, иначе наделаю в штаны. Но что же мне делать: с телеги слезать он не разрешил, но, наверное, разозлится ещё больше, когда застанет меня в мокрых штанах. Так же недавно было с моей мамой, хотя я тоже был совсем не виноват. Она разговаривала с соседкой, мамой моего друга Виктора, и крепко держала меня за руку. Мне так же, как и сейчас, ужасно захотелось писать. Я подёргал её за руку, чтобы она обратила на меня внимание, но она всего лишь посмотрела на меня и продолжала болтать. Я переминался с ноги на ногу, покачивался, но дольше терпеть не мог. Всё, что я мог, это простонать: «м-а-а-ма». «Заткнись», - прошипела она. Ещё через минуту я стоял по пояс мокрый. Первой это заметила Витина мама. «Посмотри», - сказала она. «Он написал в штаны». Мама страшно разозлилась. В наказание я должен был весь день ходить в мокрых брюках, чтобы все видели, какой я мерзкий.

Иван всё не возвращался, а я не мог больше терпеть. Если он ещё задержится, то я успею пописать и опять залезть на телегу. Для уверенности я посмотрел на дорогу: никого. Наверное, в доме ему опять наливают.

Я начал сползать вниз, но телега была высокая. Тогда я решился и прыгнул, и мои ноги стали на землю. Фу, добрался. Расстёгивая брюки, я побежал к ближайшему дереву. И вовремя, брюки уже были немного мокрые.

Но моя радость быстро растаяла. Обрато взобраться на телегу я сам не мог. Я пробовал подпрыгивать, подтягиваться с краю, но ничего не получалось. Я был слишком маленький. Я был мокрый от пота и от страха, ведь Иван должен был вот-вот вернуться. Но напрасные попытки пришлось оставить. Весь дрожа, я сел на камень у обочины. Наверное, мне теперь сильно попадёт. Но, может быть, ему станет меня жалко, я ведь ещё такой маленький. И если я расскажу ему, что очень хотел писать...

Иван вышел из дома. Я сжался от страха, не зная, что он сейчас со мной сделает. Но он вроде бы не разозлился, может быть всё обойдётся.

Иван взобрался на телегу и зачмокал губами. Но ведь так делают, когда подгоняют лошадь... Я вскочил и побежал, таща за собой хроную ногу. «Подожди, подожди», - кричал я. Но Иван, даже не посмотрев в мою сторону, ехал вперёд.

Пробежав метров сто, я остановился. Нога сильно болела и дышать я совсем не мог. Моё лицо было в слезах и соплях, а позвякивающие молочные бидоны всё удалялись. Он просто меня бросил, просто про меня забыл.

Я сел на землю и закрыл лицо ладонями. Как же он так мог? Ведь я всего лишь хотел писать. Я же ещё маленький, неужели он совсем меня бросил? Скоро стемнеет, станет холодно, и из леса выйдут страшные звери. «Я хочу к маме, хочу домой!»

Вдруг я услышал свист и поднял голову. Издалека, стоя на телеге, Иван махал мне рукой. Надежда опять появилась. Значит он хочет, чтобы я бежал к нему, значит мне можно с ним ехать?

Я с трудом поднялся и, спотыкаясь, побежал. Не уезжай, не уезжай, молился я, быстрее я бежать не могу. Когда я добрался до телеги, Иван поднял меня и усадил. «Если другой раз не будешь слушаться, я тебя брошу одного в лесу. Запомни это хорошенько, урод».

Весь остаток путешествия я сидел не шевелясь и даже думать боялся. Слово «урод» не выходило у меня из головы и звучало, как ругательство. Что оно означало я ещё не знал.

Вечером, уже в постели и в безопасности, я спросил об этом у бабушки. Она ничего не ответила, просто прижала меня к себе, погладила по волосам и тихо запела:

Доўгі дзень, цёплы дзень
Адплыве за аблокi.
Сiнi цень, сонны цень
Адпаўзае ў кут далёкi.
Збеглi зайкi ўсе ў лясы,
Змоўклi птушак галасы,
I буслы ў гняздо схавалi
Свае доўгiя насы.

Баю-бай, баю-бай
Вачаняты закрывай.

Я попробовал освободиться от её объятий, я хотел услышать ответ, а не эту монотонную песенку, от которой уже засыпал, но она ещё крепче прижала меня к своей мягкой груди и продолжала петь:

Пакрысе на расе
Патухаюць зоркi-сплюшкi
Гульнi ўсе, казкi ўсе
Пахаваны пад падушкi,
Спяць i мышкi i стрыжы,
Спяць машыны ў гаражы
Ты таксама каля мамы
Цiха- цiхенька ляжы.
Баю-бай, баю-бай
Вачаняты закрывай.

Моё недовольство из-за того, что бабушка мне так и не ответила, напрасно боролось с чувством тепла и покоя, которое она излучала. Мои глаза закрывались и, тяжело вздохнув, я уснул.

Через несколько дней я был опять дома, но всё ещё не знал, что означает «урод». Я решил спросить у мамы, но тоже не получил ответа. Вместо ответа она достала из шкафа знакомую мне бутылку. «Узнаешь сегодня вечером», - сказала она, наливая полный стакан. Я не понял почему. Это что, такое особенное слово? Почему взрослые не могут сразу ответить на такой простой вопрос?

Я уже лежал в постели и почти уснул, когда мама, качаясь, вошла в комнату и села на мою кровать. «Ты хочешь знать, что такое урод?» - пробормотала она, и язык у неё заплетался. Я кивнул, конечно, я хотел это знать. Из-за всей этой таинственности слово «урод» разрослось для меня до невероятных размеров, весь день, даже в туалете и за едой я думал об этом. «Урод» означает несчастье. Если бы ты не родился с такой уродливой ногой, то Саша был бы до сих пор со мной, а не ушёл бы к этой своей шлюхе. И я была бы счастлива. Так что будь благодарен, что я забочусь о тебе, хотя лучше было бы отнести тебя в лес и бросить там!»

Её холодный, режущий голос и мутные глаза говорили о том, что это всё правда. Так вот почему она так часто бывает злой на меня, вот почему пьёт из этой бутылки, пока не упадёт без сознания!

Не поцеловав меня на ночь, мама ушла в свою комнату, а я ещё долго не мог уснуть.

Когда я утром проснулся, её слова сразу зазвенели у меня в голове, и я опять зажмурил глаза, чтобы не открывать их и не начинать новый день. И потом каждое утро я старался заглушить этот звон, я прижимал подушку к лицу и бормотал: «задохнись, задохнись», но это не помогало, ведь мне всё-таки нужно было дышать. Тогда я сильно бил кулаком по своим рёбрам и думал, что от этого, может быть, остановится моё сердце. Но и это не помогало. Вместо этого утренний крик мамы «вставай!» возвращал меня в реальный мир, в котором мне совсем не хотелось жить.

Но однажды утром этот звон затих. Просто так, как будто её слова сгорели, как свечка. Я проснулся, и этих слов уже не было. И всё вокруг меня словно сразу изменилось: как будто бы возник другой шум, который был совсем не слышен, но при этом заглушал все другие звуки. Крик каждое утро «вставай!» больше на меня не действовал. И так осталось навсегда.

Мама никогда больше не целовала меня перед сном. Но разница была в том, что я этого больше и не ждал.